

Рассказывает
Герой Советского Союза
ВЛАДИМИР ПЕТРОВ...

ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Помню, мы, мальчишки, любили смотреть захватывающие кинофильмы о войне, читать о ней. Готовились к подвигам во имя нашей свободы, нашего счастья и созидательного труда.

Никто из нас даже не подозревал, какой это неимоверно тяжелый труд — труд фронтовика. Мы как-то не совсем представляли себе всей сложности будущей войны, считая, что раз «броня крепка и танки наши быстры», никакая опасность нам не грозит. Даже приобретая военные специальности, я не подозревал, до чего не одно и то же: теория и практика. Теоретически я был готов к сражениям «на земле, в небесах и на море». На земле — потому что закончил шестимесячные стрелково-пулеметные курсы. В небесах — потому что два года изучал в институте теорию авиационного дела. Летал на самолетах, готовясь стать летчиком-наблюдателем (штурманом). А в случае войны на море я мог стать, после окончания электротехнического института, инженером-электриком по морским приборам управления артиллерийским огнем.

Войну на море мы представляли себе так, как нас учили в институте: сидя глубоко под землей в бетонированном блиндаже, мы наблюдаем за участком моря, изображенном на большом голубом прозрачном матерчатом

планшете.

При обнаружении вражеского корабля появляется светящееся движущееся пятно. Это морские мощные дальномеры следят за целью и указывают курс и скорость движения.

Дежурные морские инженеры-электрики (это значит я и мои товарищи по институту) нажимают определенную кнопку для одиночного выстрела одной дальнобойной береговой батареи — недолет. Нажимают другую — перелет. Аналогично нажимают кнопки для другой дальнобойной батареи и после взятия цели «в вилку» другой батареей нажимают общую кнопку для ведения беглого огня двумя батареями. Все! Цель разбита. Это подтверждается тем, что светлое пятно силуэта корабля превращается в красное.

На учебных занятиях все было гладко. Все сложнейшие задачи дальнобойной морской артиллерийской стрельбы в довоенное время планировалось решать автоматами.

Приблизительно так же успешно в мирное время мы, штурманы, бомбили макеты цементными бомбами с довоенных самолетов марки Р-5, Р-6, ТБ-3, СБ. От макетов оставались щепки, и мы, получая за выполнение боевой задачи пятерки, бурно радовались успеху. А на стрелково-пулеметных курсах, где мы учились строить землянки, крытые

тонкими досками, которые прогибались под тяжестью земли, было еще потешнее. Около такой учебной землянки мы ходили чуть ли не на цыпочках, боясь как бы она не завалилась от топота.

При изучении военных наук на земле нам, молодым курсантам, настойчиво внушали, что при любой бомбежке и артиллерийско-минометном обстреле надо мгновенно ложиться на землю и ждать конца артобстрела.

Будучи буквально напичканным военными теоретическими науками, я, молодой офицер, шел на фронт с полной уверенностью в том, что враг будет разгромлен в ближайшие дни.

Шагая по окраине Ленинграда, я любовался своим видом — новое обмундирование, португез, планшетка, в которой хранились носовые платки, полевая сумка, набитая полотенцем, мылом, одеколоном и бритвенным прибором, скрипящие хромовые сапоги. Думалось так: вот приду я на передовую, приму пулеметный взвод, и фашисты в панике побегут от стен Ленинграда. Командный пункт 340-го стрелкового полка я нашел на опушке соснового бора.

Комиссар полка спросил: «Кем работал до войны?» Я ответил: «Инженером-электриком». Подозвав командира роты связи капитана Безбородько, он отдал распоряжение: «Вчера у тебя убило командира взвода связи — вот тебе новый». И вот я стою перед бывальыми фронтовиками. Окинув взглядом моих подчиненных, я изумился. Все чумазые, видимо, от порохового дыма, в рваных ватниках и разномастной обуви. Мне стало стыдно за свою новенькую форму, но не успел я от растерянности прийти в себя, как раздался свист вражеского снаряда. Я мгновенно, как нас учили на курсах, упал плашмя на землю и крепко к ней прижался. А когда свист прекратился, я поднял голову. Взвод и стоявшие тут же офицеры громко хохотали.

Что я сказал в тот момент — не помню, но что-то несуразное.

Так начался мой первый день на

фронте. Потом, в боях за Невскую Дубровку, после ранения я все-таки поднял свой авторитет.

Вскорости мое новенькое командирское обмундирование в условиях окопной жизни поиспачкалось, изорвалось. Пришлось заменять его более практичной одеждой: ватные брюки, телогрейка, шапка-ушанка, кирзовые сапоги с шерстяными портянками. Вместо пистолета я взял в руки автомат.

Изменились и мои понятия о войне. Я убедился, что война — это прежде всего труд, опасный и тяжелый.

Теперь я уже не падал на землю при каждом разрыве снаряда и не кланялся свистящим пулям. Но это происходило не сразу, а постепенно, по мере приобретения опыта фронтовой жизни.

И когда кто-либо из фронтовиков мне говорил, что он не испытывал страха на войне, я этому не верил, да и сейчас не верю.

Всякий нормальный человек, имеющий нормальную нервную систему, одинаково реагирует на внешние раздражители. Другое дело, как быстро тот или иной человек сумеет свои нервы «собрать в комок» и реагировать осмысленно на опасность, зная, что не каждый снаряд и не каждая пуля летит в тебя.

Я не могу, да и не хочу, советовать, как стать героем. Но если молодые люди внимательно прочтут мои маленькие фронтовые рассказы, в которых нет ни одного выдуманного эпизода, то они заметят, в каких тяжелейших лишениях и психологических испытаниях ковалось мужество фронтовиков. Как не просто и не вдруг рождалось мужество.

Это не значит, что каждому молодому человеку надо обязательно пройти через все тяготы войны. Место для подвига есть на любом участке работы. Но я глубоко уверен в необходимости закалять себя всегда и уметь преодолевать любые испытания жизни.

НА «ПЯТАЧКЕ»

После многодневных кровопролитных боев из тридцати солдат взвода связи в боях за Невский «пяточок» осталось только шесть человек: помкомвзвода, старший сержант Морозов — замечательный организатор быта солдат в тылу, но не больно-то отважный в боевой обстановке. В то же число вошли политрук сержант Чугунов — отчаянный боец и веселый гармонист. Рядовой Левченко — переводчик немецких телефонных разговоров.

Почти каждую ночь уходил он на нейтральную линию, подключал к проводам немцев аппарат и слушал.

Сведения, собираемые разведчиком, я передавал в штаб полка. Это позволяло нашему командованию быть в курсе дел фашистов и знать их настроение.

Например, один неосторожный разговор двух фашистских солдат помог нам довольно точно определить срок намечавшегося ими отхода и место нового сосредоточения войск в случае нашей очередной попытки прорыва кольца блокады Ленинграда.

Эти сведения позволяли также нашим артиллеристам в нужный момент вести прицельный огонь по врагу.

О боях за Невскую Дубровку говорят некоторые цифры, занесенные в мою записную книжку со слов артиллерийских разведчиков, а также взятые из исторических документов. Я их частично приведу.

В ночь на 26 сентября» 1942 года «а наш батальон фашисты сбросили только за один час свыше 2000 мин и снарядов.

12 января 1943 года наша артиллерия выпустила по переднему краю гитлеровцев четыре снаряда на один квадратный метр. Многие наши воины сложили свои головы в борьбе за город Ленина. Но и немцы понесли немалые потери. Есть данные, что по окончании полного прорыва блокады Ленинграда в боях за Невскую Дубровку на каждом квадратном метре легло до пятнадцати фашистов. Вот что такое Невский

«пяточок». Участь Дубровки была неразрывно связана с судьбой голодающего Ленинграда. Поэтому все связисты хорошо знали, как необходима организация устойчивой связи с нашим плацдармом.

Ураганный огонь артиллерии, минометов и пулеметов с восьмой ГЭС не давали возможности перебросить на «пяточок» даже питание для радиостанций. Проводная связь нужна была как воздух; тем более, что командование Б первые годы войны телефонную связь предпочитало радиосвязи, требующей особой зашифровки. Но нас было так мало, что солдаты еле успевали устранять повреждения на линиях.

В конце декабря 1943 года к нам на передовую пришло пополнение. Мы его встретили не очень радостно. Ибо состояло пополнение из разболтанных парней. Службу несли мои новые подчиненные скверно. Вскоре я понял, что взводом фактически командует рядовой Сергей Ильин.

Посоветовавшись с политруком, я изменил свою тактику.

В ночь под Новый, 1944 год пригласил к себе в землянку Ильина, и мы подняли кружки за победу.

После тоста Сергей поведал мне свою печальную историю. Оказывается, он из беспризорников. Спутался с преступниками и за участие в коллективном грабеже получил десять лет тюремного заключения. Когда началась война, он добился отправки на фронт, чтобы кровью искупить свою вину перед народом.

Я в свою очередь рассказал Сергею о себе, о нелегком детстве. Объяснил положение нашего батальона и какое жизненное значение имеет этот клочок земли для прорыва блокады Ленинграда.

На память пришла трагедия одной рабочей семьи. Я ее и поведал Ильину.

До войны в Ленинграде жила большая семья Савичевых. Когда враг напал на нашу Родину, все, кто мог держать оружие, ушли из этой семьи на фронт. Среди оставшихся была

одиннадцатилетняя Таня, которая вела дневник. Я привел выдержки из него:

«Женя умерла 23 декабря в 12 часов 30 минут утра.

Бабушка умерла в 3 часа дня.

Лека умер 17 марта в 5 часов утра.

Дядя Вася умер 30 апреля в 2 часа ночи.

Дядя Леша умер 10 мая в 4 часа дня.

Мама умерла 13 мая в 7 часов 30 мин. утра.

Все наши умерли.

Осталась одна я, Таня».

На этом записи в дневнике оборвались. Сама Таня тоже умерла спустя несколько дней.

Рассказ этот буквально потряс Сергея Ильина. И он после долгого молчания крепко пожал мне руку.

А в ночь под пятое января один из новеньких, связист Иванников, прыгая со льдины на льдину с катушкой провода, перебрался на противоположный берег Невы и обеспечил своевременную связь батальону вплоть до прорыва блокады.

Потом у многих из пополнения на груди засверкали боевые награды, и уже трудно их было отличить от других наших воинов.

КТО ПЛАВАТЬ УМЕЕТ, ВПЕРЕД!

Такую команду дал майор Степанов — командир отдельного батальона связи 115-го стрелкового корпуса.

Было это летом 1944 года на берегу реки Вуокса в Финляндии. Наши части только что штурмом частично овладели знаменитой «Линией Маннергейма».

А линия эта — гряда гранитных скал на правом берегу бурной реки Вуокса, впадающей в Ладожское озеро. Это — сотни артиллерийских и минометных батарей, пулеметных гнезд, установленных в невысоких, но неприступных горах, густые минные поля на левом плоском берегу Вуоксы.

Команду — выйти вперед всем

умеющим плавать — майор отдал, собрав бойцов на лесной поляне, расположенной сравнительно далеко от реки. Потом я узнал, что подобную команду слышали от своих командиров все автоматчики, штурмующих полков.

Были отобраны добровольцы из кабельно-полевой роты. Их командиром стал боевой лейтенант Гогоберидзе.

Новому взводу предстояло форсировать бурную, капризную реку. На одном из озер Финляндии бойцов-связистов целыми днями учили ловко садиться в лодки, умению броском переправляться на противоположный берег, быстро устанавливать телефонную связь через озеро.

И вот наступила лунная ночь. До штурма — несколько часов.

Задолго до рассвета мы узнали, что у лейтенанта Гогоберидзе открылась старая рана, сильное кровотечение не позволяло ему принять участие в форсировании реки. Командование решило обеспечение связи от штаба корпуса до штурмующей пехоты поручить моему взводу, как наиболее проявившему себя в предыдущих боях. Но ведь во взводе остались не умеющие плавать! А добровольцы наши были за пятнадцать километров от нас. Как, на чем, с кем форсировать водный рубеж? Эти вопросы не давали мне покоя, в подобных условиях времени для обдумывания, очень мало.

По ложине мы впятером подошли к берегу шумящей реки. Где-то правее — опасные пороги.

Сержанта Владимира Бутука и рядового Пашкова я отправил вдоль реки направо — искать какую-либо лодку или бревно. Старший сержант Бугайцов вместе с воспитанником нашего батальона ефрейтором Мишей Бесталановым пошли по берегу налево.

Некоторое время спустя слева показались два силуэта, впереди их двигалось что-то темное. Лодка! Бугайцов и Бесталанов отыскивали полузатонувшую лодку.

Вытащив ее на берег, мы произвели примитивный ремонт, в связи с чем

в ход пошли пилотки и даже одна гимнастерка.

Отлично понимая, что на такой посудине далеко не уедешь, я решил взять с собой только сержантов, а двоих солдат оставил на нашем берегу, чтобы они держали концы от двух катушек трофейного легкого кавалерийского кабеля.

Хорошо запомнилась мне картина этого нашего весьма рискованного путешествия. Владимир Бутук с обломком доски в руках — ему грести. Бугайцов на дне лодки с двумя катушками около кормы. Он быстро разматывает провод, чтобы не задерживать движение лодки. У меня тоже шершавая доска. Гребем с Владимиром скоро и сильно. Как бывший волгарь я имел опыт в этом деле. Однако ветхий наш «кораблик» продвигается весьма и весьма медленно, постепенно наполняясь водой.

В наступившей рассветной мгле вырисовываются силуэты сотен лодок, бочек, бревен — «пошла» на штурм пехота. Хорошо, что в это утро на реку пал туман и пулеметный огонь противника был малоэффективен.

...Хрясь! — справа по ходу нашей лодки ударила мина, за нею — другая. Одна из них прямым попаданием разнесла вдребезги лодку автоматчиков. Осколки другой добавили лишнюю дырку в нашей лодке.

Бугайцов левой рукой «дает слабинку» кабелю, правой — быстро вычерпывает воду, приспособив для этого каску.

До берега — двести, сто, пятьдесят метров... Лодку неумолимо сносит вправо на бурлящие пороги. Медленно, как в кадрах с замедленной съемкой, идем на дно. Держа над водой автоматы и телефонные аппараты, переваливаемся за борт, и ноги касаются мягкого дна. Спасены! Но не совсем.

Фашистские самолеты остервенело бомбят место высадки нашей пехоты. Плоский берег превратился в сплошную черную стену от разрывов бомб и снарядов. Даю

команду укрыться от осколков в затонувшем бронированном катере на берегу противника. С большим трудом, по шею в воде, добираемся до судна и переваливаемся через борт. Когда осмотрелись, увидели — лежим на мертвецах! Кто они, когда убиты? — выяснить нет времени. Бежать от этого зловещего кладбища некуда. Казалось, мы пролежали в бронированной могиле целую вечность, хотя прошло тогда времени не более часа.

Плотность огня противника несколько поубавилась. Тороплю своих друзей выходить на берег. Знаем — на другом берегу, волнуясь, ждут, когда будет налажена связь.

А вот и спасительная воронка на минном поле врага. Торопимся. Зубами срываем с концов провода изоляцию и, заняв круговую оборону, подключаем телефонные аппараты. Один аппарат молчит — при переправе осколками перебит провод. Что ж, тому берегу придется обойтись одним аппаратом. Тут ничего не поделаешь... Звучат позывные. Порядок — связь есть!

На удивление моим друзьям вытаскиваю из полевой сумки... поллитра водки.

Ее купил я еще в 1943 году в осажденном Ленинграде и берег до самого трудного момента. Он наступил — нервы напряжены до крайности. «Пропустили» по фронтовому глотку и как-то сразу почувствовали успокоение. Нервозность исчезла. Сличаем с картой свое местонахождение. Оказывается — течением нас снесло гораздо ниже по реке, чем мы рассчитывали. Мы оказались в самом центре минного поля фашистов.

Наш противоположный скалистый берег весь в огне. Вражеские снаряды и мины при разрыве на граните почти не дают дыма и оставляют только огонь. Да! Дьявольский фейерверк, уносящий десятки жизней.

Связисты с того берега уже сообщили печальную весть о том, что рядовой Пашков убит прямым попаданием мины на том месте, где мы

его оставили.

Понимаем, как трудно нашим на каменных утесах, где не зароешься ни на один миллиметр.

Нужно торопиться. Нужно помочь своим... Определяю путь в стыке двух минных полей и направляю туда Володю Бутука на розыски любого пехотного командира. Приблизительно через час Бутук приполз один и объяснил местонахождение командного пункта штурмовавшего полка. Мы захватили с собой остатки кабеля на катушке и ходко двинулись по разведанному уже пути. На опушке изувеченного леса нашли КП полка. К большой нашей радости, мы здесь встретили почти всех связистов своего взвода. Они успешно переправились вслед за нами.

Но фронт есть фронт. Здесь радость быстро сменяется огорчениями.

В свое время на стрелково-пулеметных курсах, пользуясь данными минувших войн, командиры внушали нам, курсантам, что в одну и ту же воронку вторично бомба попасть не может. На этом основании мною и было принято решение оборудовать в воронке, оставленной взрывом однотонной бомбы, землянку-укрытие и телефонную станцию.

На склоне внутренней части воронки выкопали две щели, укрепили грунт жердями, досками и начали уже делать накат, когда вдруг узнали, что КП полка перемещается на километр ближе к передовой. Недостроенное сооружение пришлось бросить и двигаться налегке вслед за командным пунктом.

Каково же было наше изумление, когда, вернувшись через несколько часов за своим имуществом, мы увидели разбитые взрывом наши строения! Все-таки в старую воронку бомба попала вторично, и только случайность избавила нас от неизбежного — разделить участь разрушенного бомбой сооружения.

После трехдневных непрерывных боев наши изрядно проредевшие полки сто пятнадцатого корпуса по решению командования сменил шестой механизированный корпус. Наступление

советских войск продолжалось.

Вскоре Финляндия вышла из войны, и гитлеровская Германия потеряла еще одного сателлита.

За операцию по форсированию бурной горной реки сержанты Бугайцов и Бутук были награждены орденами Красной Звезды. Мне был вручен орден Отечественной войны.

Наш стрелковый корпус под командованием замечательного командира — генерала Казачка С. Б. — после доукомплектования людьми и вооружением был направлен в Польшу, где продолжал громить ненавистных фашистов.

В ТЫЛУ ВРАГА

Шел четвертый год войны. Позади нелегкий путь по родной земле, изувеченной врагом. И вот, наконец, рубеж, о котором мы думали долгие годы — река Одер. Где-то там, на другом берегу, сосредоточили свои силы фашисты.

Геббельс, надрываясь, кричал на весь мир, что никогда нога русского солдата не ступит «на священную землю фатерланда». И гитлеровцы, что называется, выворачивались наизнанку, чтобы задержать наше стремительное наступление.

На оборону Берлина Гитлер мобилизовал почти все мужское население, способное держать оружие. От юнцов до стариков. Он, как и Геббельс, самоуверенно заявил, что Берлин для русских неприступен.

И вот наш последний рубеж — Одер.

Противоположный берег реки густо заминирован и покрыт сплошной сетью оборонительных укреплений.

23 февраля 1945 года. Утром советские войска перейдут в наступление. Будем форсировать реку. Я выполнял обязанности начальника управления связи от штаба корпуса до дивизии и знал, что в этом бою моим солдатам будет особенно трудно.

Связь с передовыми полками дивизии и командным пунктом корпуса не должна быть прервана ни на минуту. И вдруг у меня мелькнула мысль, а нельзя ли проникнуть в тыл врага, зацепиться там на удобном «пяточке» и таким образом поддерживать связь со всеми частями. Через несколько минут я стоял перед начальником связи корпуса майором Зерновым.

— Разрешите переправиться на тот берег?

Майор согласно кивнул.

Мы вышли втроем: я, Костя Лебедев и Володя Бутук.

На вооружении у нас были автоматы, ручные гранаты. Несли мы катушку провода и два телефонных аппарата.

Ох, и трудная была эта ночь! Кругом глухая темень. На реке еще стоял лед: по-весеннему рыхлый. Всюду змеились трещины. Мы взяли с собой жерди, на случай, если провалишься в трещину, чтобы не уйти под лед. Володя Бутук остался на нашей стороне. Он разматывал провод с катушки, помогая нам двоим, ушедшим вперед.

Трассирующие пули и осветительные ракеты помогли ориентироваться на льду.

Продвигались осторожно, медленно. Два часа прошло, как ступили на лед. Уже совсем близко чернел вражеский берег. Вдруг впереди показалась большая полынья.

Перекинули жердь.

Но льдина на той стороне оказалась непрочной и мы с головой окунулись в ледяную воду.

Когда выбрались на берег, мороз тут же ледяным панцирем сковал одежду. В этих необычных ледяных «скафандрах» ползли мы осторожно по земле неприятеля.

В небольшой воронке от разорвавшегося снаряда подключили телефон и сообщили майору Зернову, что связь установлена. Передали сведения о точном расположении минных полей и свободном пространстве между ними.

Потом я узнал, что наше сообщение было передано всем передовым подразделениям, подготовившимся к штурму вражеского берега. Это помогло нашим солдатам ориентироваться в бою. В то утро это имело важное моральное значение.

Зато, когда рассвело, узнали, что сами лежим на новом минном поле. А в нескольких метрах от нашей воронки огневая точка врага.

Ранним утром началось форсирование реки. За несколько часов наши части продвинулись вперед километра на три,

В ожесточенной схватке на вражеском берегу помогали пехоте и мы, «глуша» гранатами пулеметные гнезда гитлеровцев.

Наступательный дух и боевое мастерство наших солдат и офицеров были настолько высоки, что мы, связисты, с трудом поспевали прокладывать телефонные провода.

На одном из глубинных рубежей обороны фашисты оказали упорное сопротивление. Наше наступление приостановилось. Гитлеровские танки с пехотой просочились между стыками наших дивизий и вновь вернули себе западный берег Одера.

Мы оказались в тылу врага. Первой же мыслью было — немедленно прорваться к своим. Но чувства — одно, а обязанности и дела солдата — другое. Мы не могли бросить связь, даже оказавшуюся на территории врага.

Положение для наших частей стало опасным.

На восточной окраине деревушки Фюльштейн, расположенной в трех километрах за Одером, сосредоточилось пятнадцать связистов. Они-то и обеспечивали связь между пятью крупными воинскими соединениями, входящими в состав стрелкового корпуса.

Обстоятельства сложились так, что я оказался единственным офицером среди пятнадцати связистов. Поэтому принял командование на себя.

Все пять контрольных станций (в каждой по три человека) разместили в

одной комнате полутораэтажного домика, два окна которого выходили на улицу, а одно — во двор.

Проверив связь с соединениями и убедившись, что все в порядке, я решил поспать. Но не тут-то было! Начался сильный артиллерийский и минометный обстрел. Один снаряд упал на улице, другой во дворе. Зазвенели разбитые стекла. Я выглянул в окно и увидел вражеских солдат. Они короткими перебежками продвигались от нашего дома к другому. Можно было легко ско- сить их из автоматов, но это не входило в наши планы. Нам требовалось любой ценой сохранить связь в тылу фашистов.

Собрав связистов, я сказал, что мы с Константином Лебедевым остаемся в доме, а всем остальным надо уходить через дворы, а потом соединиться с нашей пехотой.

Дом опустел. Но как нам остаться незамеченными? Пришла догадка: муж хозяйки был эсэсовским офицером, и его форма сохранилась.

Я быстро переоделся. Лебедев подключил трофейный немецкий телефонный аппарат. Нашел каску и шинель. Мы с удивлением глядели друг на друга — изменились неузнаваемо.

Быстро пять пар проводов соединили параллельно. Это позволяло командиру корпуса генерал-майору Казачек, находившемуся за рекой, говорить одновременно со всеми командирами воинских соединений. Правда, при разговоре с одним все четыре остальные тоже слушали, но и это было удобно, так как в образовавшемся «слоеном пироге» трудно было понять, кто окружен — мы или немцы? Фашисты считали, что они окружили наши дивизии, но и вокруг фашистов сжимались наши клещи.

— Ну, Костя, порядок,— сказал я Лебедеву,— теперь давай уносить ноги!

Затолкали провода за книжный шкаф. Лебедев побежал по улице, я за ним следом, делая вид, что гонюсь за рядовым с парабеллумом в руке.

В деревушку входили вражеские

танки, но танкисты совершенно не обращали внимания на двух бегущих людей в немецкой форме.

На окраине деревни заскочили в подвал. В глубине притаился фашистский автоматчик, видимо, дезертир. Вид у него был далеко не бравый. Руки от испуга тряслись, лицо заливала бледность. Нам надо было избавиться от автоматчика. И вспомнилась немецкая фраза; «Идите вы, пожалуйста, дальше!»

Фашистский солдат впопыхах не понял, почему офицер не пристрелил его, как дезертира, а посылает вон. Но все же до него дошла моя команда. Он рванулся с места и побежал за своими.

Оставшись одни, мы условились идти по проводам в направлении нашего вспомогательного узла связи, замаскированного в лесу, где и находился с радиостанцией майор Зернов.

Только поздней ночью нас встретил старший лейтенант Лозовой.

Всего мы провели в тылу фашистов трое суток. За это время устранили десятки повреждений в линиях нашей связи и, конечно, попутно перерезали немецкие провода. Заодно обнаружили стоянку немецких танков. О расположении их я сообщил в штаб корпуса. Утром следующего дня по скоплению танков ударили наши гвардейские минометы. Участь бронированных чудищ была решена.

Дал сведения о расположении! на опушке леса вражеских батарей. Их постигла та же судьба.

* * *

...Кончилась Отечественная война. Наш батальон связи перевели на Северный Кавказ.

Однажды вечером с группой офицеров я возвращался из театра. Кто-то предложил: пусть каждый расскажет памятный случай из фронтовой жизни, Я поведал друзьям о незабываемой работе в тылу фашистов. Один из офицеров сказал: «Слушай! А ведь ты тогда был награжден, но чем, не

припомню. Сходи в штаб Северо-Кавказского военного округа.

— Поздно. Ведь это дела давно минувших дней,— отшутился я.

Но все-таки в штаб округа зашел. Из любопытства.

Офицер сообщил мне: — Среди награжденных орденами и медалями вас нет.

Когда я был уже у двери, вдруг услышал:

— Стой, брат! Да ведь тебе Героя дали!

Когда я, возбужденный, ввалился в общежитие, ребята еще спали. Я их тут же поднял и рассказал об этом удивительном случае.

Они мне сначала не поверили, а потом начали поздравлять.

В конце октября 1945 года в Кремле мне вручили Золотую звезду Героя и орден Ленина.

ПРОСТО РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Наша фронтовая автомашина носила явные следы боев — борты изувечены осколками снарядов, стекла в пробоях от пуль, кабина ободрана. Но самое скверное — пробитый радиатор. Почти через каждые десять-двадцать километров приходилось доливать воду. И похожа была бегущая по бесконечным дорогам наша полторка на сердито кипящий самовар. Клубы белого пара обволакивали «газик» целиком. Но как бы там ни было, мы ехали. К себе. Домой. С радостным настроением, добрыми надеждами.

В обязанности очередного дежурного ежедневно входило — выбрать место ночевки, расставить часовых, обеспечить людей питанием, разместить офицерский и рядовой состав батальона на отдых.

В этот день дежурство нес я. Меня радовало все, что может радовать человека, перенесшего девятисотдневную блокаду Ленинграда, дважды раненного, контуженного, но живого и четырежды награжденного. Победа! Какое долгожданное слово! Четыре года

кровавой войны позади!

Путь лежал через разрушенный Киев. На его окраине заехали во двор и остановились у одного из чудом уцелевших домов. Я дал команду, как расставить автомашины во дворе, расставил часовых, организовал ужин из походной кухни, расположил личный состав на отдых и, усталый, пошел на поиски ночлега для себя. Поднялся на второй этаж. На лестничную клетку выходило четыре двери. Постучал в первую попавшуюся. Ее открыла пожилая женщина.

На мою просьбу разрешить переночевать она ответила: «Одну минуточку!».

Почти сразу же вышел пожилой мужчина и, пригласив меня в комнату, театральным жестом указал на диван: «Но сначала давайте поужинаем!».

За столом после первого тоста «За победу» потекла впервые для меня мирная беседа с гражданскими. О войне мы уже говорили, как о прошлом, и я услышал печальную исповедь моих хозяев. Симпатичные старички, по фамилии Бушмены, рассказали мне, что на фронте погибли их два сына, сами они пережили и голод, и холод, и страх.

Выяснилось, к моему немалому удивлению, что старики вот только три дня тому назад вернулись из-за Волги, где были в эвакуации. На вопрос, в каком именно месте они жили, женщина сказала: «Вы, вероятно, этот маленький городишко не знаете — Зеленодольск». От радости я чуть было не вскрикнул.

— А улица?

— Библиотечная.

— А номер дома?

— Тринадцать, квартира два.

Тогда я заговорщицки, как по секрету, сказал:

— И живет в той квартире Петрова Лидия Матвеевна — моя мама!

Милые старички с изумлением уставились на меня. И тут начались бурные взаимные расспросы...

Таким образом, не доезжая до дома более тысячи километров, я узнал

буквально все о житъе моей матери за последние годы войны.

Бывает же так иногда! Среди миллиона жителей громадного города мне встретились именно эти двое. Судьба сложилась так, что мать навесил я только через полгода. Она подтвердила, что во время оккупации Киева у нее на Волге, в нашей квартире, проживали постояльцы по фамилии Бушман.